

Смена

● У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

ВСТРЕЧИ
С СЕВАСТОПОЛЬСКИМ
ТЕАТРОМ

МНЕ всегда интересны встречи с незнакомыми театрами, новые лица на сцене, неизвестные названия в афише. Люблю старательность и премьерную приподнятость гастрольных спектаклей. Но больше всего меня всегда увлекает возможность встречи с людьми, заполняющими зал театра в его родном городе. И пусть эти встречи происходят только лишь в воображении, они полны глубокого реального смысла. Ведь по афише, по линиям режиссерского и актерского почерка почти всегда можно представить себе духовную атмосферу города, повянуть с какими требованиями приходит в театр зритель и какие требования предъявляет своему зрителю театр.

Именно поэтому в спектаклях гостящего в Ленинграде сева­стопольского Театра драмы имени А. В. Луначарского я пытаюсь понять ту «духовную ситуацию», которая вызвала к жизни существование нынешней афиши театра. Как складываются у сева­стопольцев отношения со зрителями? Приходится ли им в борьбе за полный зал натужно веселить публику в легковесных, развлекательных пьесах? Или зрителя завлекают в театр, ставя спектакли на определенных, любимых актеров? А может быть, театр стремится стать духовным центром города, сосредоточивая вокруг себя людей для размышления над сложными жизненными проблемами?

Чем, например, вызван столь стойкий успех драмы Луначарско-

го «Медвежья свадьба», поставленной главным режиссером театра Вл. Ясногородским шесть лет назад и показанной на ленинградских гастролях? Возможно ли сочетать на сцене одного и того же театра сдержанное благородство и даже некоторую изысканность в постановке «Зимней сказки» Шекспира режиссером А. Смеляковым и кричащую, безвкусную суматоху музыкальной феерии «Цепь и парус», созданную режиссером В. Безлепко?

В Севастополе, городе с почти четвертьмиллионным населением, работают два театра. Большинство зрителей составляют студенты, военные, молодые рабочие. И в принципе театру нет нужды особо завлекать их. В театр в Севастополе ходят. Именно поэтому у те-

атра возникает возможность работать над серьезным репертуаром, сохранять в афише интересные спектакли по многу лет, искать для постановки серьезные и сложные произведения.

Взяв трудную, почти не имеющую сценической истории пьесу Луначарского, Ясногородский стремился выявить в ней многомотивность, сложность человеческих поступков, подчеркнуть в психологической драме социальные корни. Так, в предваряющих каждый акт заставках, в полыхающем зареве и мерном, покорном движении пархарей, кузнецов возникла символический образ измученного, страдавшего народа, осенявший весь спектакль тенью мученичества и обреченности. И это решение снимало налет мелодраматизма, придавало действию глубокий трагизм.

И несомненно, что такое толкование событий драмы, раскрытие мучительных противоречий, тающихся в душе главного героя (И. Маруфов), увлекает зрителей сильнее, чем просто занимательный сюжет.

Этот случай полного доверия режиссуры к подготовленности и восприимчивости зрителя не так уж част. И потому мне хочется остановиться именно на тех недостатках, которые возникают на сева­стопольской сцене из-за некоторого недоверия театра к своему зрителю.

Вот, скажем, идет в театре мюзикл «Иосиф Швейк против Франца-Иосифа». Легко можно представить, что этот остроумный, ирони-

ческий спектакль нравится публике. Но не слишком ли усердствует режиссер, чтобы вызвать в зале смех? Ведь сочный и грубоватый юмор Гашека вовсе не терпит нажима, грозя обернуться развязностью и пошлостью.

Для передачи антимилитаристской сути политического памфлета режиссер Ясногородский и художники Н. Шеметов и Ю. Чурсин нашли образное и остроумное решение. Огромный кованный сапог преобразается то в трибуну, то в окоп, то в пивную кружку, символизирующую гостеприимство Паличека. И эта деталь бьет в цель так же метко, как и шутки самого Швейка, мягко и обаятельно сыгранного Б. Чернокульским. И очень обидно, что рядом с этим на сцене существуют откровенно банальные эпизоды, развязное исполнение куплетов.

Это же упорное желание обязательно рассмешить зрителя ломает и философско-проническую ткань «Зимней сказки», где вездесущий герой Архидам (Г. Сизов), соучастник и комментатор, вдруг обретает несвойственный ему разухабистый тон, переводя все действие в гротескный ряд.

От этого же недоверия к зрителю возникает в театре и еще одна болезнь. Приняв к постановке пьесу, театр рассчитывает только на занимательность ее сюжета, не углубляясь во второй план драматургии. И тогда возникают актерские штампы, примитивные мысли и скука в зрительном зале.

В пьесе Алексина «Звоните и приезжайте», идущей в театре под

названием «Дела сердечные», за внешним развитием событий театр не замечает всей серьезности проблемы формирования характера маленького человека, который в своем стремлении достичь согласия взрослых вступает на путь обмана, нечестности, шантажа. Для Алексина эта мысль важна. Театр и исполнительница роли Дины Н. Липковская обходят эту тему, играя в результате довольно скучного героя. А конфликт пьесы театр таким образом вынуждает подменять какими-то иными средствами. И тогда на помощь режиссеру и актерам приходит все та же развлекательность.

Я так подробно останавливаюсь на негативных тенденциях театра, потому что в Севастополе есть возможности для интересных, свежих решений, для точных и интеллигентных актерских работ, для современного прочтения драматургии.

Об этом говорят серьезные уда­чи театра в спектаклях «Есть такая партия», «Заговор императрицы», «Трактирщица», запоминающиеся актерские работы Маруфова, Сизова, Нестерчука в «Зимней сказке», Чернокульского и Борисова — в «Швейке».

И мы надеемся, что встречи театра со своим зрителем принесут ему творческие открытия, подлинно современные решения и новые интересные имена.

Л. МОДИНА

● На снимке: Г. Сизов (Лукаш) и Б. Чернокульский (Швейк) в сцене из спектакля «Иосиф Швейк против Франца-Иосифа».

Фото М. Ширмана